

А ВОТ ВОПРОС

С КЕМ
И ЗА
ЧТО

БОРОЛСЯ
СТАЛИН?

ВАЛЕРИЙ ШАМБАРОВ

А вот вопрос

Валерий Шамбаров

С кем и за что боролся Сталин?

«Алисторус»

2023

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

Шамбаров В. Е.

С кем и за что боролся Сталин? / В. Е. Шамбаров —
«Алисторус», 2023 — (А вот вопрос)

ISBN 978-5-00222-175-2

Вся эпоха правления Сталина сопровождалась непрерывной напряжённой борьбой. Одна оппозиция, другая, третья... До сих пор не утихают споры, были эти оппозиции реальными или «мнимыми»? Или само слово «оппозиция» в данном случае некорректно, если в расследованиях и исследованиях всплывают доказательства не просто борьбы за власть, а предательства своей родины, связей с иностранными спецслужбами и теневыми кругами? Какие же силы и группировки выступали противниками Сталина? Кто стоял за ними? Как развивалось противостояние? Все эти вопросы подробно разбирает новая книга известного писателя-историка Валерия Шамбарова.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-00222-175-2

© Шамбаров В. Е., 2023
© Алисторус, 2023

Содержание

От автора	6
Глава 1. Незавидное наследство	8
Глава 2. «Левая» оппозиция	13
Глава 3. Антисоветская эмиграция	20
Глава 4. Если завтра война?	25
Глава 5. Замаскированные резервы	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валерий Шамбаров

С кем и за что боролся Сталин?

© Шамбаров В.Е., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

* * *

От автора

В начале XX в. Российская империя вышла на вершину успехов и могущества. Хотя при этом наша страна становилась главным конкурентом западных держав как в международной политике, так и в промышленности, торговле. Ее всячески шельмовали. Втянули в Мировую войну. Ее подставляли иностранные союзники, и она в критические моменты оставалась без помощи, без оружия и боеприпасов. Но она обладала такой внутренней силой, что преодолела даже столь чудовищные испытания. Сама, без западных «друзей» совершила мощный рывок военного производства. Одерживала блестящие победы. В 1917 г. готовила сокрушительные удары, которые должны были сломить противников, – а Россия по праву заняла бы первое место среди победителей, выдвигалась на ведущую роль на мировой арене...

Но в операциях против нашей страны Запад активно формировал и «пятые колонны». Они были разнообразными, не похожими друг на друга. Либералы, сепаратисты, социалисты, агенты влияния в российской правящей верхушке. Но действовали они в одном направлении. Их прямо или косвенно координировали зарубежные правительства и спецслужбы. Теневые круги западной финансово-промышленной «закулисы» обеспечили их финансирование, поддержку мировой «общественности». Эти механизмы и были пущены в ход.

Сейчас уже хорошо известно, что за организацией так называемой Февральской революции стояли дипломаты и спецслужбы Великобритании, об этом в свое время докладывала даже французская разведка. Была разыграна операция с изоляцией Николая II и публикацией от Его имени поддельного «отречения» со склеиванием разных частей бланка телеграммы, копированием подписи царя. В результате власть захватили заговорщики, самозванное Временное правительство. Но выиграли ли от этого они сами? Выиграли ли либералы и оппозиционеры, расшатавшие фундамент империи? Нет. Закулисным режиссерам не нужна была никакая Россия, ни царская, ни либеральная, ни демократическая. На смену одним революционерам они выталкивали других, еще более радикальных: эсеров, большевиков, сепаратистов, которые углубили разрушение, доведя его до кошмаров гражданской войны.

Но уничтожение России было не только политической – оно являлось и духовной диверсией. Ее главные заказчики из финансовой и политической элиты Англии, США, Франции были традиционно связаны с тайными оккультными орденами и масонской иерархией. Поэтому физическое разрушение закрепили еще и магическим «убийством Империи» – в ночь на 17 июля 1918 г. в подвале Дома Ипатьева в Екатеринбурге совершилось сакральное жертвоприношение Николая II и его семьи. В данном контексте еще раз можно обратить внимание: теневые организаторы прекрасно знали, что Государь не отрекался. Для полноты черного жертвоприношения был важен именно действительный Царь, Помазанник Божий.

А в разыгравшихся междоусобицах зарубежные сценаристы сделали ставку на большевиков – самую радикальную из революционных партий. Вдобавок ее руководство было насквозь заражено агентами влияния, связанными с «мировой закулисой», что позволяло регулировать ее деятельность. Троцкий, Свердлов, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Ганецкий, Красин, Чичерин, Литвинов, Сокольников, Радек, Раковский, Крупская, Коллонтай, и десятки других. Планы врагов России исполнились. Гражданская война обескровила страну, разрушила промышленность, транспорт. Эксперименты «военного коммунизма» вызвали страшный голод, унесший миллионы жизней. Все это сопровождалось чудовищным разграблением России. На Запад хлынул поток золота, драгоценностей, произведений искусства. Вывозились пушнина, нефть, лес и другое ценное сырье.

Массовое сопротивление народа, крестьянские восстания, мятежи в войсках заставили большевиков все-таки свернуть катастрофические модели построения коммунизма. Распустить подневольные «трудовые армии», отменить продразверстку, разрешить торговлю и мел-

кое частное предпринимательство. В 1921 г. была провозглашена «новая экономическая политика» – нэп. А в борьбе за власть, развернувшейся в период болезни и смерти Ленина, взяло верх патриотическое крыло партии во главе с Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

Это был профессиональный революционер. Ученик и верный помощник Ленина. Но с зарубежными силами он никогда не был связан. Главными критериями видел благо своей страны и народа. А во многом он оказывался противоположностью Троцкому. Скромный в быту, вдумчивый, доступный для подчиненных. Поэтому и вокруг него стали сплываться партийцы, искренне поверившие, что строительство коммунизма преобразует родную страну к лучшему. Ленин же сделал Иосифа Виссарионовича своей опорой именно за персональную верность, в подковерной борьбе с Троцким. Даже придумал специально под него новую должность в партии, Генерального секретаря ЦК.

Ещё при живом Ленине, но уже под руководством Сталина осколки распавшейся Российской империи были объединены в Союз Советских Социалистических Республик. Он был гораздо меньше, чем прежняя Россия, – оказались утрачены Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия, западные области Белоруссии и Украины. Вместо монолитной империи СССР представлял собой федерацию республик, связанных между собой союзными договорами. И все же возродилась обширная держава, наследница былой России. Но и «пятые колонны» никуда не делись.

Глава 1. Незавидное наследство

Расцвет нэпа принято изображать в радужных тонах. Открывались рестораны, кафе. Зазывали публику смелыми постановками театры. С посвистом мчались извозчики-лихачи, развозя респектабельную публику. Фырчали моторами автомобили, перемещая публику, еще более значимую. Гремели оркестрики и модные джазы. Томно дымили папиросками в длинных мундштуках и закатывали глаза женщины-вамп в мехах и немыслимых шляпках. А вокруг них увивались бойкие мужчины в канотье... Труды демократических авторов представляют нэп золотым периодом советской истории. Дескать, стоило только допустить свободу предпринимательства, как в народе сразу выдвинулись деловые люди – нэпманы. Накормили страну, вывели из разрухи, подняли благосостояние.

К действительности подобные утверждения отношения не имеют. Промышленность восстанавливалась не нэпманами, а государством, и дело шло очень туго. К 1924 г. уровень производства достиг только 39 % по отношению к 1913 г. (а в 1916 г. он был еще выше, чем в 1913 г.). Да и эти цифры, вероятно, подтасовывались для отчетности. Оборудование заводов и фабрик было изношено и запущено. Восстанавливали то, что можно запустить побыстрее и с минимальными затратами. Или отрапортовать побыстрее. Ради выпуска хоть какой-то продукции упрощались технологии, ухудшалось качество товаров. Но и их не хватало. Чекист Агабеков описывал традицию в *центральной аппарате ОГПУ* – сотрудники, направляемые за границу, раздаривали или продавали сослуживцам часы, костюмы, ручки и т. п., поскольку за рубежом могли купить все это запросто, а в СССР достать было негде.

Чтобы предприятия все-таки приносили прибыль, зарплата рабочих была крайне низкой, они жили впроголодь. Но и это считалось за счастье, в стране царила безработица. Подавляющее большинство горожан ютились в трущобах коммуналок. Нелегко доводилось и крестьянам. Сельхозналог, заменивший продразверстку, был очень высоким. А то, что оставалось после его сдачи, – куда было девать? Самому везти на базар? Это могли не все. Купить сельскохозяйственную технику было негде. Да и кто мог бы себе это позволить? Крестьяне в поте лица ковырялись на клочках поделенной земли с лошаденкой, с примитивной сохой.

Ну а нэпманы богатели вовсе не на производстве, а на посредничестве. Скупали и перепродавали продукцию промышленных предприятий – что вело к бешеному росту цен. Скупали и перепродавали сельхозпродукцию. Поэтому в лавках, магазинах было все. Но не всем по карману. В деревне выделились «кулаки». Не дореволюционные богатые мужики – тех уже разорили и истребили в гражданскую. Кулаки были новые, тоже сорт нэпманов. Скупали по дешевке у односельчан «излишки» и сбывали городским нэпманам. А крестьяне, даже трудясь на своей земле, попадали в зависимость от местных «предпринимателей».

Самым же благодатным источником обогащения были всевозможные махинации. Мелкие предприятия сдавались в аренду частникам якобы для возрождения промышленности. Но какой частник стал бы арендовать убыточные предприятия? Брели то, что и без них хорошо работало. Или брали для того, чтобы получить кредиты под восстановление, реконструкцию. Нэп знаменовался разгулом жулья и коррупции. Арендованные предприятия становились «крышами», под их прикрытием спекулировали сырьем, продукцией государственных предприятий. Советские чиновники легко покупались взятками. Регистрировались фиктивные предприятия, брались и исчезали в неизвестных направлениях авансы и кредиты.

Сверкающие огнями рестораны обслуживали отнюдь не большинство населения, а нуворишей. При них сытно жили обслуживающие их врачи, юристы, канцеляристы. При них кормилась и «богема» – поэты, артисты, дорогие шлюхи. Вот эта мутная накипь и создавала иллюзию яркой и веселой жизни. Хотя за ней, как за мишурным занавесом, лежали нищета и отсталость.

Которой не было в России царской, но в которую страна была отброшена гражданской войной, гиблыми социальными и экономическими экспериментами.

По сути, нэп вел к закабалению Советского Союза зарубежным капиталом. Ленин писал: «Иностранцы уже теперь взятками скупают наших чиновников...» А вдобавок, советское руководство оказалось насквозь заражено деятелями той же самой «пятой колонны», которая обеспечила падение Российской империи. Они сохранили связи с зарубежными покровителями, и режиссеры трагедии именно сейчас пожинали плоды столь удачной для них операции. Правда, главный спонсор русской революции, американский банкир Якоб Шифф, уже умер, но активно развернулись его компаньоны Отто Кан, Пол и Феликс Варбурги.

Ради расширения контактов с большевиками Кан организовал гастроли по Америке Московского художественного театра. Пол Варбург стал членом Американо-Российской торговой палаты. Те же Кан и Пол Варбург подталкивали к сотрудничеству с большевиками политиков и бизнесменов других стран, убеждали их, что «закрома России будут способствовать восстановлению Европы». Ну а Феликс Варбург неоднократно приезжал в Москву, установил весьма плодотворные связи с председателем Совнаркома Рыковым, запросто был вхож в его кабинет.

Но подобные связи не были *взаимо-*выгодными. Повальное расхищение национальных богатств России при нэпе продолжалось полным ходом. В середине 1920-х большая партия золота была вывезена для банка Моргана «Гаранти Траст». Еще одна партия советского золота, на 20 млн долл., ушла за границу через банкира из Сан-Франциско Роберта Доллара и шведского бизнесмена Олафа Ашберга. Иностранцам на самых выгодных условиях раздавались в концессии месторождения полезных ископаемых, нефтепроводы, предприятия. Один лишь друг Троцкого Арманд Хаммер заключил с советским правительством 123 экономических соглашений! Впоследствии журналисты спросили у него: как стать миллиардером? Хаммер в ответ пошутил: «Надо просто дожидаться революции в России».

Справка – кто есть кто?

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович. Из семьи богатого зерноторговца. Племянник крупных банкиров и масонов Животовских, через них стал членом мировой банковской «семьи». Ученик видного социал-демократа Парвуса (Гельфанда), через него сошелся с орденом иллюминатов. Сотрудничал с австрийской политической полицией и военной разведкой. В Первую мировую войну издавал пораженческую газету в Париже, за это был выслан в США. Близко знал Сиднея Рейли (который представлял в Америке фирмы его дяди Животовского), был завербован резидентом британской разведки МИ-1с в США Вайсманом. В советском правительстве стал главным проводником англо-американского влияния.

Жена Каменева Ольга, сестра Троцкого, для которой был специально создан пост заведующей международного отдела ВЦИК (т. е. советского «парламента» – Всесоюзного центрального исполнительного комитета Советов), совершала турне по Америке и Европе, вместе со своим подручным Грабарем налаживала «культурные связи». Вывозили за границу выставки шедевров российского искусства – но обратно возвращалось далеко не все. Распродавали частным коллекционерам. Зато Каменева, единственная в СССР, имела четыре личных автомобиля. Разъезжала на кадиллаках и роллс-ройсах, подаренных зарубежными «благотворительными» организациями.

Само государство, возникшее на месте России, уже не было Россией. Преемственность с прежней империей перечеркивалась. Луначарский еще в сентябре 1918 г. ставил задачи перед Наркоматом просвещения: «Преподавание истории в направлении создания народной гордости, национального чувства и т. д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания, должно быть отбро-

шено». На этом поприще подвизались партийный идеолог Н.И. Бухарин и «красный академик» М.Н. Покровский, подменяя историческую науку грязной клеветой на отечественное прошлое. Однозначно подразумевалось, что все это погибло, а в 1917 г. возникло нечто совершенно новое, уже не российское. Даже термины «Отечество», «патриотизм» воспринимались как ругательства и изгонялись из обихода.

Крушилась и российская культура. Появились РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) и прочие организации, внедрявшие вместо нее уродливый «пролеткульт». Председателем РАППа стал Леопольд Авербах, по воспоминаниям современников, «очень бойкий и нахальный юноша». Ну еще бы ему не быть нахальным, если он приходился племянником Свердлову, а помогала ему громить русскую культуру сестра, Ида Авербах – супруга заместителя председателя ОГПУ Генриха Ягоды. Спорить с такими деятелями категорически не рекомендовалось. Например, в 1925 г. поэт Алексей Ганин с шестью товарищами были арестованы и расстреляны – у Ганина нашли рукопись, что нэповская Россия «ныне по милости пройдох и авантюристов превратилась в колонию всех паразитов и жуликов, тайно и явно распродающих наше великое достояние...»

Исключались из учебных программ и запрещались произведения Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Льва Толстого. Под началом заведующего отделом Наркомпроса Штернберга ниспровергалось русское изобразительное искусство. Еще один заводделом, Мейерхольд, крушил театр, призывая «отречься от России». Русофобия вообще становилась негласной, но и непререкаемой установкой. Даже Есенин, восторженно приветствовавший революцию, оказывался не ко двору. Сам Бухарин клеймил его, обвиняя в «великорусском шовинизме» – да, ностальгическое воспевание русской деревни и природы приравнивалось к «шовинизму». Вместо авторов и произведений, признанных ненужными и «реакционными», получали признание новые «классики». Апологет «новой живописи» Малевич, оккультист Коненков, штампуемый глупые агитки Демьян Бедный, воспевающий насилие и жестокость писатель Зазубрин, теоретики «новой литературы» Шкловский, Брик, Бабель.

А вместо отвергнутого Православия внедрялась государственная псевдо-религия, ленинизм – с поклонением культу умершего предводителя. Вместо икон на стенах повисли портреты коммунистических вождей, вместо богослужений собирались митинги, вместо Священного Писания штудировались работы Ленина и Маркса. Вокруг Владимира Ильича создавался ореол непогрешимости, утверждалось, что он не ошибался никогда – даже когда ошибалась «партия». В рамках новой псевдо-религии вводились новые праздники, обряды массовых шествий с чучелами, портретами, «красного рождества» – которое, согласно инструкциям Наркомпроса, должно было сводиться «к соблюдению древних языческих обычаев и обрядов», «октябрин» вместо крестин. Делались попытки заменить даже христианские имена «революционными» – появились Мараты, Гильотины, Революции, нелепые аббревиатуры из коммунистических символов.

Разрушались мораль, институты семьи – вполне в духе масонских теорий иллюминатов. Правда, идеи Коллонтай, что сексуальный акт должен восприниматься как «стакан воды», удовлетворить жажду, все же были осуждены. Такие вещи подрывали дисциплину и вели к открытым безобразиям. Но пропагандировались установки Маркса и Энгельса, что семья – временное явление, при социализме оно должно отмереть. Теперь семья сводилась к формальности. Шли мимо ЗАГСа, местного Совета или другого органа власти, заглянули туда на минутку, расписались – и стали мужем и женой. Столь же легко осуществлялись разводы, по заявлению хотя бы одного из супругов.

Советский Союз стал первым в мире государством, легализовавшим аборты. Впрочем, не совсем. Аборты разрешили во Франции, но лишь во время «великой французской революции». За этим исключением во всех странах они влекли уголовное наказание. Но в 1920 г. большевики сняли запрет. Практика абортов хорошо сочеталась с идеями о «свободе» жен-

щины, ее «равноправии» с мужчинами. Она должна быть «личностью», полноценным строителем социализма, должна идейно развиваться. А деторождение, вроде бы, мешало, низводило женщину до «животных» функций. Нередко к подобному решению подталкивали подчиненных женщин начальники – дело важнее, не время из строя выбывать. Аборты становились «естественным выходом» в отвратительных бытовых условиях бараков и коммуналок. А советские больницы распахивали двери для всех желающих. Избавиться от ребенка? Медицинская пропаганда разъясняла, как это просто, быстро, почти безопасно.

Ширился и самый вульгарный разврат, чему способствовала обстановка нэпа. Разгул жуликов и «бизнесменов», их ресторанные кутежи с певичками и танцовщицами соблазняли партийных и советских функционеров. Они-то были «главнее» нэпманов. Почему было им не жить так же «красиво»? Они себе обеспечивали аналогичные удовольствия – за закрытыми дверями отдельных кабинетов ресторанов, организуя тайные притоны. Такие начальники на местах чувствовали себя всесильными. «Рука руку мыла», функционеры покрывали друг друга, с ними были связаны и карательные органы. А человека, проявившего недовольство, можно было отправить в чрезвычайку, оклеветать, и попробуй найди правду.

Нэп стал передышкой между периодами крутых «встрясок», но не принес стране ни сытости, ни благосостояния. Не принес он и никаких «свобод». Любое инакомыслие пресекалось, даже внутри партии. Еще в 1921 г. в ходе борьбы с «рабочей оппозицией» Ленин провел на XI съезде РКП(б) постановление «Единство партии» о недопустимости фракций. Отныне за отклонение от центральной линии грозили наказания вплоть до исключения из партийных рядов. Нэп не принес и социальной стабильности. Даже рядовые коммунисты чувствовали себя обманутыми. Они прошли гражданскую войну, победили – и не имели ничего, кроме рваных шинелей и разбитых сапог. Зато их начальство барствовало, бесились с жиру нэпманы. Направлялся вопрос: «За что боролись?»

Но и в руководстве партии взгляды на нэп различались. Основным критерием стратегии признавался ленинизм, арбитром во всех спорах становился мертвый Ленин – точнее, его цитаты. А они существовали в самом широком диапазоне. Желая успокоить народ, Владимир Ильич публично заявлял, что нэп «всерьез и надолго». Но он же в марте 1922 г., на XI съезде партии, прямо указывал, что «отступление», длившееся год, закончено, и на повестку для ставилась «перегруппировка сил» для новой атаки.

Выход из экономического развала был один – индустриализация. Но как ее осуществлять? Одно крыло руководства во главе с идеологом Бухариным и председателем Совнаркома Рыковым стояло за то, чтобы продолжать и углублять нэп, а индустриализацию вести плавно, постепенно. Другое – Троцкий, Зиновьев, Каменев – считало, что нэп пора сворачивать, возобновить наступление на крестьянство и штурмовать развитие индустрии. Но вдобавок увязывало данные процессы с «мировой революцией». Доказывало, что технологии и оборудование для тяжелой промышленности можно получить только на Западе. За это надо платить зерном, сырьем. Но цены на мировом рынке диктует капиталистическое окружение. Стало быть, от него зависят валютные поступления, необходимые для индустриализации. Получался замкнутый круг, из которого без «мировой революции» не выйти.

Справка – кто есть кто?

Зиновьев Григорий Евсеевич (Радомысльский Евсей Гирш Аронович). Из семьи владельца молочной фермы. Жил в Германии, Швейцарии, Франции. Был постоянным представителем партии в социалистических организациях западных стран. Через его зятя Зиновьева Самуила Закса в Петрограде шло финансирование большевиков из-за границы. После победы революции Зиновьев возглавил исполком Коминтерна и партийную организацию Петрограда-Ленинграда, где расставил на все должности своих родственников и клевретов. Имел связи с теневыми кругами Запада.

Согласно показаниям Радека, знал о подготовке теракта в Сараево. Согласно расследованию Н. Соколова, через Зиновьева шла переписка о подготовке цареубийства.

Хотя эти аргументы строились на ложных предпосылках. Во-первых, сугубая ориентация на Запад для получения технологий – возможность разработки их в России заведомо отбрасывалась. Во-вторых, рыночную конъюнктуру никогда не определяет одна сторона. Владелец товара тоже вправе решать, согласен ли он отдать его по данной цене. И на самом-то деле «капиталистическое окружение» было очень заинтересовано в поставках советского зерна, нефти, леса и пр. Без них странам Запада пришлось бы туго.

Но в итоге игра шла «в одни ворота»! Иностранцы называли низкие цены, а советские партнеры безоговорочно их принимали. Чему удивляться, в общем-то, не стоит. Ведь дипломатические и торговые ведомства контролировала все та же «пятая колонна». Поэтому торговля становилась еще одной формой разграбления нашей страны, из нее делали сырьевой придаток Запада. Еще раз напомним уверенные слова Пола Варбурга: «Закрома России будут способствовать восстановлению Европы». Европы, но не России.

Глава 2. «Левая» оппозиция

Одолеть Троцкого Сталин сумел в союзе с другими лидерами партии и государства, Каменевым и Зиновьевым. Но говорить в данном случае о «триумвирате» было бы опрометчиво. Просто Троцкий, набрав огромный вес, занесся, стал выходить из-под контроля своих зарубежных покровителей. Чуть не раздул революцию в Германии, новую европейскую войну – в то время как транснациональные корпорации настроились спокойно «переварить» плоды прошлой войны, «мирно» осваивая рухнувшую Россию и расхищая ее богатства. Зиновьев и Каменев были того же поля ягодами, как и Лев Давидович. Но прекрасно знали его диктаторские амбиции. Представляли: если он утвердится у власти, то им достанется лишь роль исполнителей решений Троцкого. А Сталин не был связан с зарубежными теневыми силами, не участвовал в тайных операциях. До сих пор он выступал лишь «учеником» и проводником идей Ленина. Его считали недалеким, не самостоятельным политиком. Он выглядел предпочтительнее. Выполнял волю Ленина, а теперь его будут направлять Зиновьев с Каменевым...

Справка – кто есть кто?

Каменев, Лев Борисович. В эмиграции женился на сестре Троцкого и вошёл в «избранные», в руководство социал-демократии. Осуществлял связи между заграничными и российскими организациями РСДРП. В 1914 году стал редактором «Правды». За содействие противнику сослан в Туруханский край. При советской власти – председатель Моссовета, заместитель председателя Совета труда и обороны.

Но и Сталин представлял – они только временные союзники. Настоящей его опорой была «серая» партийная масса. Вчерашние рабочие, солдаты. Для них Иосиф Виссарионович был ближе, чем Троцкий с его «наполеоновскими» замашками, с повальными расстрелами. Ближе, чем «интернационалисты», понаехавшие из-за границы, занявшие ключевые посты в государстве. В 1924 году Сталин постарался увеличить число своих сторонников в партии, объявив «ленинский набор». Одним махом в ряды РКП(б) влилось 200 тыс. новых членов – и как раз из низовой массы. Эта добавка усилила патриотическое крыло.

В борьбе с соперником Иосиф Виссарионович использовал и рычаги партийной власти – он же был Генеральным секретарем ЦК, ему подчинялся аппарат. Наконец, Сталин применял и обычные интриги, раскалывая соперников. Он никогда не наносил ударов первым. Знал своих противников и ждал – сами подставятся. Так и случилось. Осенью 1924 г. Троцкий предпринял очередную атаку. Публицистом он был блестящим и к годовщине революции опубликовал статью «Уроки Октября». Но в запальчивости его занесло. Он хвастался собственными заслугами, ставил себя в один ряд с Лениным, а то и выше. А конкурентов постарался облить грязью. Досталось и Сталину, но особенно – Зиновьеву и Каменеву. Троцкий ткнул их носом в «октябрьский эпизод», когда они в 1917 г. выступили против вооруженного восстания, разгласив в печати планы большевиков. Словом, оказались трусами и предателями, а уж хлесткое перо Льва Давидовича прошло по ним как можно более обидно.

Но Сталину только это и требовалось! Если сам он с нарочитой скромностью всегда изображал себя лишь «учеником» Владимира Ильича, то претензии Троцкого вознестись выше «божества» можно было преподнести чуть ли не кощунством. Противники Льва Давидовича объявили по всей стране «литературную дискуссию». Привлекли недавно созданный институт марксизма-ленинизма. Его сотрудники перелопатили труды и письма Ленина. Вывернули на голову Троцкого все эпитеты, которыми вождь награждал его в периоды ссор: «Иудушка», «Балалайкин» и пр. Дискуссия вылилась в кампанию под лозунгом «Похоронить троцкизм».

Взгляды Льва Давидовича объявили антиленинскими, его предложения о сворачивании нэпа расценили как отклонения от «линии партии».

Оскорбленные Каменев и Зиновьев требовали исключить его из Политбюро, из ЦК, и вообще из партии. Однако Сталин неожиданно выступил куда более миролюбиво. Почему? Да потому, что и Каменев с Зиновьевым были для него не друзьями. От них тоже предстояло избавиться, а для этого Троцкий еще мог пригодиться. По предложению Иосифа Виссарионовича Льва Давидовича только отстранили от должностей наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета. Вместо него назначили Фрунзе – очень популярного в армии и убежденного противника Троцкого.

А новая партийная схватка началась уже весной 1925 г. – в споре о судьбах нэпа. Ведь в данном вопросе Зиновьев и Каменев являлись единомышленниками Троцкого, настаивая, что нэп пора сворачивать. Но Сталин в подобных обсуждениях выработал очень мудрую линию поведения. Предоставлял противоборствующим сторонам сцепляться друг с другом и поначалу не примыкал ни к кому. Оказывался «над схваткой», в роли третейского судьи. А партийная масса привыкала, что позиция Сталина взвешенная, выверенная, то есть самая верная. В данном вопросе он принял сторону Бухарина и Рыкова, ратовавших за углубление нэпа.

Искренне ли? Или только из желания избавиться от «соправителей»? Судя по всему, искренне. С точки зрения благосостояния народа программа Бухарина выглядела более предпочтительной – богатеют и множатся крестьянские хозяйства, увеличивается количество их продукции, развивается легкая промышленность, а все это даст средства для тяжелой. Существуют свидетельства, что Иосиф Виссарионович в этот период высоко оценивал Бухарина. Сотрудник сталинского секретариата А. Балашов рассказывал Д. Волкогонову, что мнение идеолога партии было очень важно для Генерального секретаря. Политбюро собиралось не всегда, часто по тому или иному вопросу голосовали на специальных бланках. Когда их приносили Сталину, он первым делом интересовался, как проголосовал Бухарин.

Апрельский пленум ЦК 1925 г. принял именно эту программу. Снижались налоги с крестьян, увеличивались кредиты, разрешались аренда и использование наемного труда. Задачей партии объявлялись «подъем и восстановление всей массы крестьянских хозяйств на основе дальнейшего развертывания товарного оборота страны». Ну а «против кулачества, связанного с деревенским ростовщичеством и кабальной эксплуатацией» предполагалось использовать экономические меры борьбы. Однако данные проекты сразу же начали давать сбой.

Вроде бы, в 1925 г. собрали очень богатый урожай. В расчете на прибыль от сельхозпродукции было заложено 111 новых предприятий. Но финансовые поступления оказались гораздо ниже запланированных! Да, крестьянам оставляли больше продукции, но наживались на этом кулаки и перекупщики-нэпманы, 83 % торговли в стране захватил частный сектор. Снижение налогов и хороший урожай обернулись «голодом» на промышленные товары, инфляцией. А рабочие и служащие государственных предприятий бедствовали. Попытки решить проблемы за счет экономии и повышения производительности труда, то бишь «затягивания поясов», вызвали целую волну забастовок. В результате все планы провалились. Начатое строительство новых предприятий пришлось замораживать, увеличивать косвенные налоги, тратить золотовалютные резервы.

А Зиновьев с Каменевым и другими сторонниками решили воспользоваться ситуацией для атаки на власть. Возникла «новая оппозиция». Но только стоит иметь в виду, что экономическая политика являлась лишь подходящим предлогом для нападок. Через несколько лет, когда сворачивание нэпа и ускоренную индустриализацию начнет Сталин, то Троцкий и другие оппозиционеры «забудут», что они ратовали за то же самое. Перейдут на противоположную точку зрения. В 1925 г. истинной подоплекой атаки были вовсе не экономические споры, а тайная идея «слабого генсека».

Потому что Зиновьев и Каменев осознали свою ошибку. Убедились, что Сталина они недооценили, регулировать его бывшие союзники не могли. Наоборот, он набирает все большую силу. Вот и возник план – обвинив в ошибках, сместить Иосифа Виссарионовича. Заменив другой фигурой, которая станет послушным орудием в их руках. На пост Генерального секретаря наметили Яна Рудзутака, Зиновьев вел с ним переговоры. Силы оппозиции выглядели внушительными. За Зиновьевым стояли мощная Ленинградская парторганизация и Коминтерн. Каменев руководил Моссоветом, Советом труда и обороны (СТО). К ним прикнули нарком финансов Сокольников, заместитель председателя Реввоенсовета Лашевич.

Накручивали подчиненных против центрального руководства. Доходило до того, что на заводские собрания не пускали представителей ЦК. Самостоятельную роль в оппозиции решила вдруг играть и Крупская, выставляя себя ни больше ни меньше, как «наследницей» мужа, лучше других знающей истинный смысл его работ. Действовала неумело, но весьма энергично. Впрочем, попытками поучать партийцев только возмутила их. После ее выступления на XIV съезде М.И. Ульяновой пришлось даже извиняться за родственницу: «Товарищи, я взяла слово не потому, что я сестра Ленина и претендую поэтому на лучшее понимание и толкование ленинизма, чем все другие члены партии, я думаю, что такой монополии на лучшее понимание ленинизма родственниками Ленина не существует и не должно существовать...»

Справка – кто есть кто?

Крупская Надежда Константиновна. Жена и личный секретарь Ленина. Оказывала сильное влияние на мужа. В годы Мировой войны поддерживала контакты с германскими властями, пересылая большевистскую литературу в лагеря военнопленных. При советской власти председатель Главполитпросвета при наркомате просвещения. Одна из основательниц комсомола и пионерской организации. В борьбе за власть активно держала сторону Троцкого. В период болезни мужа предприняла попытку его отравить.

Но Рудзутака Сталин легко перекупил – предложил ему посты члена Политбюро и заместителя председателя Совнаркома. А Троцкий был все еще обижен на Зиновьева с Каменевым и их не поддержал. Причем он тоже ждал, что его захотят перекупить. Хотел потребовать должность председателя Всероссийского Совета народного хозяйства – ВСНХ. Ну а деятельность оппозиции четко попала под обвинение во «фракционности», нарушала постановление XI съезда «Единство партии». Зиновьевцы оперировали антикрестьянскими цитатами Ленина – им ответили массой других цитат, где Владимир Ильич выступал за союз рабочего класса и крестьянства. В декабре 1925 г. на XIV съезде партии «новую оппозицию» обвинили в «раскольничестве» и осудили как «левый уклон». Правда, наказания опять были мягкими. Каменева понизили из членов Политбюро в кандидаты. Зиновьева переизбрали с поста руководителя Ленинградской парторганизации, заменили Кировым.

Нет, Сталин был еще не настолько силен, чтобы одним махом избавиться от противников. Несмотря на поражения, они оставались видными партийными и государственными лидерами, сохраняли значительное влияние. Поэтому Иосиф Виссарионович действовал осторожно. Предоставлял оппозиционерам возможность самим дискредитировать себя. После каждого раунда борьбы они скатывались всего лишь на какую-нибудь одну ступенечку в советской иерархии. Но скатывались неуклонно, все ниже. При этом постепенно теряли авторитет, сторонников. От них отходили те, кто ошибся. Отходили карьеристы, перекидываясь на сторону победителей.

После разгрома на XIV съезде «левые» отнюдь не успокоились. Тем более что экономическая ситуация в стране оставалась тупиковой, в народе нарастало недовольство. В 1926 г. количество забастовок возросло до 337 (против 196 в 1925 г.). А Троцкий с запозданием понял, что остался с носом – никто его переманивать не стал, высоких постов не предложил.

Лев Давидович, Зиновьев и Каменев признали взаимные «ошибки», когда хаяли друг друга, – и возникла «объединенная оппозиция». Заключались союзы с любыми инакомыслящими – с остатками «рабочей оппозиции» Медведева, с группой «демократического централизма» Сапронова и Смирнова, которая проповедовала вообще возврат к анархии 1917 г. – чтобы рабочие сами избирали и контролировали директоров и прочих начальников.

Сейчас противники Сталина взялись действовать уже «дооктябрьскими» методами. Устраивали самочинные митинги на заводах. Для выступления Лашевича московских партийцев пригласили на сходку в лесу. Размножались и рассылались оппозиционные материалы – их отследили в Брянске, Саратове, Владимире, Пятигорске, Гомеле, Одессе, Омске, Харькове. Зиновьев вовсю пользовался аппаратом Коминтерна – его сотрудники разъезжали по стране, организуя сторонников. Троцкий на митингах подогревал недовольство рабочих, соблазняя их своей «хозяйственной программой»: «На полмиллиарда сократить расходы за счет бюрократизма. Взять за ребра кулака, нэпмана – получим еще полмиллиарда. Один миллиард выиграем, поделим между промышленностью и зарплатой».

Хотя это была чистейшей воды демагогия. Бюрократический аппарат в СССР и впрямь был в 10 раз больше, чем в царской России. Но он и не мог быть меньше. До революции он дополнялся земскими структурами, частными правлениями предприятий. И к тому же, сказывалось разрушение православной и патриотической морали – в советские времена над каждым чиновником требовалось ставить контролеров, и контролеров над контролерами. Сокращение аппарата грозило экономике не выигрышем, а хаосом. Да и сам Лев Давидович «забывал», что живет вовсе не так, как рабочие, которых он провоцировал, – ни в чем себе не отказывая, в роскоши, по несколько раз в год выезжал отдохнуть в Крым, на Кавказ, за границу. Но какая разница? Главное было – раздуть бучу.

Троцкисты пытались сыграть и на «политическом завещании» Ленина, диктовках его последних статей. Этот вопрос поднимался еще в 1924 г. на XIII съезде партии. А летом 1926 г. на пленуме ЦК о нем вспомнили снова, потребовали от Сталина зачитать его. Что ж, Иосиф Виссарионович, вопреки легендам, «завещания» не скрывал. Но использовал его против своих же противников. Ленинские обвинения в «грубости» в его адрес не выглядели такими уж серьезными для партийных работников времен гражданской войны. А вот определение в адрес Троцкого, «небольшевизм», звучало убийственно. Ленин, правда, отмечал, что его нельзя ставить в вину Льву Давидовичу, но Сталин делал на нем акцент – и попробуй-ка оправдайся!

Борьба шла жестокая. И велась она не только «партийными» методами. 31 октября 1925 г. при операции язвы желудка неожиданно умер Фрунзе. Трагическая случайность или убийство? Споры об этом идут до сих пор. Михаил Васильевич еще в гражданскую войну постоянно выступал противником Троцкого, лично враждовал с ним – и Сталин использовал его как противовес, выдвинул во главу военного ведомства вместо Льва Давидовича. Но после смерти Фрунзе его место должен был занять Лашевич – заместитель председателя РВС и один из лидеров оппозиции. Нет, Сталин этого не допустил. Добился отправки Лашевича далеко на восток, на КВЖД (где тот быстро погиб в автокатастрофе), а на пост наркомвоена провел безусловно верного себе Ворошилова.

Особое внимание стоит обратить и на схватку, разыгравшуюся на пленуме ЦК в июле 1926 г. Против зиновьевцев и троцкистов выступил Дзержинский. Его перебивали выкриками с мест, Каменев бросил ему, что он «45 миллионов рублей напрасно засадил в металлопромышленность». Вzbешенный Дзержинский впервые произнес, что лидеров оппозиции нужно просто расстрелять. Ему крикнули: «Это вас нужно расстрелять!» На что он упрямо подтвердил: «Я вам докажу, что добьемся своего...»

Стоп! За что – расстрелять? За несогласие с линией большинства? Для 1926 г. такая вина была явно недостаточной. Но заметим, что Дзержинский отреагировал на обвинение в беспо-

лезном расходовании огромных сумм. Отметим и его убежденное «докажу». По своей должности председателя ОГПУ он знал, что его противники участвовали в разворовывании и переправке за рубеж куда больших ценностей. Соответственно, знал об этом и Сталин. Но о таких вещах приходилось умалчивать, правда могла подорвать авторитет всей партии. Впрочем, Дзержинскому расстреливать высокопоставленных преступников было не суждено. На этом же заседании он переволновался и, придя домой, скоропостижно скончался от сердечного приступа. Или... не от приступа? Кто знает?

Тем не менее, Сталин одолевал. Он опять сумел внести раскол в ряды своих противников. Зиновьева заставили присоединиться к осуждению «рабочей оппозиции» – поскольку ее еще при Ленине заклеили как «меньшевистский уклон». Удалось вывести из игры и Крупскую. Известно, что Сталин напомнил ей: «Мы еще посмотрим, какая вы жена Ленина». Правда, трактуют его слова по-разному. Автор исследований на данную тему Ю.М. Лопухин предположил, что Иосиф Виссарионович намекнул «на старую дружбу с И.Ф. Арманд». А в дальнейшем тиражировании скандальных версий эта фраза была еще и искажена: «Мы еще посмотрим, кого сделать женой Ленина». С выводом, что Сталин шантажировал несчастную старушку, грозя переиначить истину и «сделать» супругой Владимира Ильича его любовницу.

Но с такой интерпретацией согласиться нельзя. Сталин еще не был настолько всемогущим, чтобы переписывать историю. Какое там, если он не был в состоянии даже заткнуть рот оппонентам? И если внимательно прочесть эту фразу, можно понять: слово «какая» предполагает качества *жены*, а не измены мужа. С куда большей вероятностью Сталин намекнул на ту роль, которую играла Крупская в период болезни Ленина, – обеспечивая влияние троцкистов, игнорируя предписания врачей и постановления ЦК, усугубляя его состояние истериками. Наконец, на попытку отравить мужа в марте 1923 г., когда она вдруг обратилась к Сталину, чтобы Ленину дали цианистый калий. В любом случае, намек оказался для Крупской предельно ясен. И это было настолько серьезно, что она испугалась. Так испугалась, что публично отреклась от соратников.

Очень эффективными стали и удары по «пешкам». Мелких сторонников оппозиции стали снимать с должностей, выгонять из партии или переводить куда-нибудь в провинцию. Свое благополучие было дороже – и функционеры начали перетекать на сторону власти. Но главным стало то, что рабочая масса не поддержала противников Сталина. Да, она не прочь была посвистеть на митингах, излить собственное недовольство. Но лидеры оппозиции ни малейшей симпатии у нее не вызывали. Раньше они нагнетали ненависть против «буржуев» – но привели народ в бедственное положение. А сами стали новыми «буржуями». Все помнили, сколько крови пролил Троцкий, насаждая дисциплину расстрелами красноармейцев, железнодорожников, рабочих. А Зиновьева, устроившего в Ленинграде персональную вотчину, занявшего все «теплые» места родственниками и приятелями, на самом-то деле в «северной столице» ненавидели и презирали.

Оппозиция «повисла в воздухе», не имея реальной опоры. В октябре 1926 г. на пленуме ЦК и в ноябре на XV партконференции ее разнесли в пух и прах. Опять выдвинули обвинения во фракционности. Зиновьев, Каменев и их сторонники вынуждены были униженно признавать грехи перед партией. Наказания очередной раз были умеренными. Троцкого и Каменева вывели из Политбюро, Зиновьева сняли с поста председателя исполкома Коминтерна. Каждого – еще на ступенечку вниз. Но их политический вес был подорван. Они превратились в «битые» фигуры.

Борьбу в советском руководстве в 1920-е годы нередко преподносят как персональные драки за власть. Но факты показывают, что это не так. По мере того как Сталин утверждался во главе государства, менялась и политика. Так, в феврале 1924 г. была принята первая конституция СССР – и в ее рамках Иосиф Виссарионович установил гораздо большую централизацию Советского Союза, чем предусматривал Ленин. Украинские и грузинские лидеры,

выступавшие против этой линии, – Раковский, Петровский, Мдивани, Махарадзе и пр. – были смещены со своих постов и переведены на другую работу, подальше от своих республик, чтобы не мутили воду.

Для Грузии изначально были сохранены «особые» права, экономические и политические. Там легально действовала партия грузинских меньшевиков, ходила своя валюта, функционировали иностранные банки. Похоже, что Грузии предстояло стать уютным «офшором» для откачки советских богатств за рубеж. Но Сталин эти права ликвидировал. Он пересмотрел и некоторые другие решения, принимавшиеся при Ленине, когда слишком угождали «националам». Например, Донецкий, Таганрогский и Шахтинский округа были отданы Украине. В 1924 г. их отобрали и включили во вновь создаваемый Северо-Кавказский край, объединивший Дон, Кубань, Ставрополье, Северный Кавказ.

В 1926 г. был снят со своего поста нарком просвещения Украины Шумский за «националистический уклон». Его обвинили в чрезмерной «украинизации», в сопротивлении «русской культуре». В том же году крепко влетело М. Хвиевскому, требовавшему «немедленной дерусификации пролетариата» на Украине. Из состава Киргизской (Казахской) АССР была изъята «подаренная» ей Оренбургская область. Вместо Бухарской и Хорезмской советских республик, претендовавших на очень широкую самостоятельность (и насквозь пропитанных пантюркизмом), возникли Узбекская, Таджикская, Киргизская, Туркменская – их приводили к такому же образцу, как прочие советские республики, «подтягивали» к России.

А на Северном Кавказе Троцкий и его коллеги делали ставку на «революционных горцев». В Москву шли жалобы: «Русское население обезоружено и к физическому отпору и самосохранению бессильно. Аулы, наоборот, переполнены оружием, каждый житель, даже подростки 12–13 лет вооружены с ног до головы, имея револьверы и винтовки. Таким образом, получается, что в Советской России две части населения поставлены в разные условия в ущерб одна другой, что явно несправедливо».

А в результате горцы совершенно распоясались. Угоняли скот у казаков, крестьян, грабили и советские хозяйства. Но и друг с другом сводили счеты, кипели межнациональные склоки. При Сталине правительство взялось наводить порядок, пресекать бандитизм, разоружать местных жителей. Это понравилось далеко не всем. В 1925 г. вспыхнуло восстание в Чечне, в 1926 г. в Дагестане. Резали русских, создавали вооруженные отряды. Причем обнаружилось, что местное руководство заражено национализмом, исламизмом, поддерживает связь с зарубежными центрами. Восстания разгромили войсками, и заигрываниям с «революционными народами Кавказа» пришел конец.

Обозначилось еще одно серьезное расхождение Сталина с политикой Ленина – отношение к «мировой революции». Идея о том, что революция может победить только в мировом масштабе или в нескольких развитых капиталистических странах, оставалась фундаментальной догмой марксизма-ленинизма. Даже высшая государственная награда, Орден Красного Знамени, значился «символом мировой социалистической революции», а первоначальное название СССР предполагалось – «Союз советских республик Европы и Азии».

На подготовку «мировой революции» работали Коминтерн, Разведуправление Красной армии, иностранный отдел ОГПУ, наркомат иностранных дел. При Коминтерне действовала Военная комиссия, имевшая собственные диверсионные школы, штат военных инструкторов, которых направляли за границу для подготовки боевиков. Организовывались восстания и теракты в Германии, Польше, Эстонии, Болгарии. Причем «мировая революция» стала еще одним каналом, по которому утекали за рубеж колоссальные средства в золоте и валюте – на финансирование иностранных компартий.

Но по мере побед над оппозицией Сталин начал менять этот курс. В марте 1925 г. на V расширенном пленуме исполкома Коминтерна и в апреле на заседании Политбюро он озвучил совершенно иную идею, о «построении социализма в одной стране». В том же году

была ликвидирована Военная комиссия Коминтерна, постановлением Политбюро прекращалась «активная разведка» – то есть диверсии, терроризм, создание боевых организаций. А в ноябре 1926 г. на той самой XV конференции, которая разгромила троцкистов и зиновьевцев, тезисы о «построении социализма в одной стране» были приняты официально, в качестве линии партии.

И эта же конференция приняла программу ускоренной индустриализации страны. В ее решениях указывалось: «Надо стремиться к тому, чтобы в минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран». Такая программа отличалась от «плавной» бухаринской (впрочем, после кризиса 1925–1926 годов Бухарин вполне согласился с ней). Но она имела и существенные отличия от троцкистской. Индустриализация предполагалась не за счет поставок из-за рубежа, а за счет собственных ресурсов. А иностранных концессионеров начали прижимать – неофициально, без шума. У них вдруг возникали непредвиденные проблемы. Советские чиновники выискивали в концессионных договорах невыполненные пункты, иные нарушения. Найдя благовидный предлог, требовали расторжения договоров. Зарубежным дельцам, раскатавшим губы на баснословную наживу, приходилось сворачивать дела и убираться домой.

Глава 3. Антисоветская эмиграция

Гражданская война выплеснула за границу 2 млн русских эмигрантов. Они рассеялись по разным странам. Ради куска хлеба трудились чернорабочими, грузчиками, судомойками. Впрочем, некоторые устроились очень неплохо. Например, заговорщики, обеспечившие в свое время свержение царя, тузы российских банков, промышленности, купечества, Терещенко, Рябушинский, Нобель, Гукасов и иже с ними. Они заблаговременно перевели капиталы за рубеж, создали в эмиграции свою организацию, Торгпром, включились в европейский бизнес.

Дядя Троцкого, банкир Абрам Животовский, обосновался в Стокгольме, где у него имела совместная фирма с Олафом Ашбергом – шведским банкиром, через него перед революцией шло финансирование большевиков. Теперь они вместе занялись перепродажей на Запад русского золота и ценностей. Потом Животовский перебрался в Париж. Принялся организовывать «замаскированный советский банк» с бывшими российскими банкирами Абрамом Добрым, Цейтлиным, Лесиным, Высоцким, Златопольским. А родственные связи в Москве помогли получить для этой цели 25 млн франков от Советского правительства.

Бывшие дипломаты, в распоряжении которых остались весьма значительные суммы, объединились в Совет Послов. В эмиграции возникло несколько русских масонских лож – «Северное сияние», «Северная звезда», «Северное братство», в них входили многие видные политические и общественные деятели: Чайковский, Керенский, Кускова, Амфитеатров и др. Но между собой эмигранты не были едиными. Ведь за границей очутился весь спектр партий и движений от монархистов до анархистов. Добавились споры по поводу причин поражения, дальнейших судеб России, соперничество лидеров. Поэтому организаций появлялось очень много. Только во Франции их было зарегистрировано более 300.

Монархисты создали Высший Монархический Совет (ВМС), но тут же размежевались на «франкофилов» и «германофилов», на сторонников великих князей Кирилла Владимировича и Николая Николаевича. Партия кадетов раскололась на «левое» и «правое» крыло, эсеры – на 7 или 8 группировок. Меньшевики сохранили партийное единство, но продолжали исповедовать марксизм, а после ужасов гражданской войны это учение стало у русских очень непопулярным.

Врангель сформировал Русский общевоинский союз (РОВС) – он считался как бы армией «в запасе». Но Савинков образовал другую воинскую организацию, Народный союз защиты родины и свободы (НСЗРиС). Третьей стало «Братство русской правды» (БРП) Краснова, Палеолога и Ливена, они ориентировались не на союз с Антантой, а на Германию. Два конкурирующих центра Белого Движения возникли на Дальнем Востоке. Один – в Харбине, под руководством генералов Хорвата и Дитерихса, пользующихся покровительством местного властителя Чжан Цзолиня. Второй – в Нагасаки, где находился атаман Семенов, ставленник японцев.

А кроме «общероссийских», существовали еще и казачьи, украинские, армянские, азербайджанские, грузинские, северокавказские, среднеазиатские организации. И тоже во множественном числе! Одни готовы были держаться заодно с русскими, другие враждовали с ними. И даже среди сепаратистов единства не было. Так, у украинцев существовали организации Петлюры, Коновальца, Скоропадского, Тютюнника и сотрудничать друг с другом никак не желали. Противники большевиков пытались продолжать борьбу хотя бы подпольными или террористическими методами. Савинков готовил отряды под эгидой поляков, Тютюнник – под эгидой румын. РОВС и БРП засылали в СССР группы офицеров, но их сразу же вылавливали чекисты. А на большее возможностей у белогвардейцев не хватало.

В мае 1923 г. в Швейцарии сотрудниками Российского Красного Креста Конради и Полуниным был убит советский дипломат Воровский. Террористы выступали как одиночки, хотя за ними стоял еще один активный заговорщик против царя, А.И. Гучков. Он тоже сберег солидное состояние, вовремя перевел в иностранные банки. Но его буйную натуру тянуло в политику – теперь уже на международном уровне. Главной целью убийства было устроить сенсационный судебный процесс, к делу подключили первоклассных адвокатов во главе с Т. Обером.

В ходе заседаний были представлены многочисленные свидетели и документальные доказательства зверств и преступлений во время гражданской войны. Обвиняемых с триумфом оправдали. Но толку было мало. Процесс Конради и Полунина стал не более чем однодневной сенсацией. После чего пресса постаралась переключить внимание читателей на другие темы – в данное время для западных правительств и теневых кругов было гораздо выгоднее сотрудничество с большевиками.

И все-таки у антисоветских организаций находились покровители. Хотя можно выделить четкую закономерность. Всевозможные «левые» и «демократические» группировки получали помощь гораздо легче (а финансирование щедрее), чем монархисты и патриоты, а сепаратисты и националисты – чем сторонники «единой и неделимой». Причина, в общем-то, понятна. Запад оставался врагом России. Не «красной», не «белой», а России как таковой. Он признал Советское правительство, торговал с ним. Сами большевики заключали крайне невыгодные сделки, эмиссары «пятой колонны» помогали расхищать национальные богатства. Но при этом зарубежные правительства и спецслужбы поддерживали и противников советской власти. Тоже пригодятся.

И если Врангелю ставили палки в колеса, а монархические организации влачили жалкое существование, то Керенские, Милюковы, Гучковы и прочие деятели, приложившие руку к российской катастрофе, подобных трудностей избегали. Их приглашали на преподавательскую работу, давали хорошо оплачиваемые должности в иностранных общественных организациях. Их газеты и журналы выходили более солидными тиражами, чем монархические и белогвардейские, могли платить авторам гонорары, сотрудники редакций получали оклады, вполне достаточные для жизни.

Значительную помощь получил масон Савинков. Главным его покровителем стал британский шпион Сидней Рейли. У этого человека служба в разведке всегда была неотделима от наживы. Дела, которые не сулили прибыль, его не интересовали. Поэтому Рейли «одной рукой» проворачивал тайные сделки с Советским Союзом. Вместе со своим старым другом Вениамином Свердловым он наладил бизнес по перепродаже русских ценностей, антиквариата, мехов, нефти. Ну а «другой рукой» он взялся организовывать подрывную работу против СССР, это тоже пахло большими деньгами. Рейли вел переговоры в разных странах, обеспечил Савинкову связи с военным министерством Польши, с президентом Чехословакии Масариком, с Черчиллем, Муссолини. Народный Союз Защиты Родины и Свободы Савинкова вполне устраивал западные державы, поскольку провозглашал борьбу за «третью, новую Россию» и заведомо ориентировался на «иностранную помощь».

Справка – кто есть кто?

Сидней Рейли. Уроженец Одессы. Взял фамилию жены, настоящее имя неизвестно (предположительно – Соломон Розенблюм). В 1906–1914 годах жил в Петербурге, занимался спекуляциями. С 1915 года находился в США. Бизнесмен, представитель банкира Животовского – дяди Троцкого. Хорошо знал и его самого. Одновременно являлся агентом британской разведки. Особую известность приобрел операциями в Советской России.

Поддержку получил и масон Н.В. Чайковский, создавший свой «Центр действия». А Гучков после процесса над Конради и Полуниным вместе с адвокатом Обером образовал «Лигу

борьбы с Третьим Интернационалом» («Лига Обера»). Её секции возникли в 17 государствах, проводились международные конференции. Очень активную деятельность вели меньшевики и отколовшаяся от эсеров Трудовая крестьянская партия (ТКП). И опять же, лидеры этих организаций оказывались связаны с масонством. Эмигрируя из Советской России, они оставили там подпольные центры, сохранили большое влияние на «спецов» – интеллигенцию, пошедшую на службу большевикам.

Естественно, такая работа была невозможной без содействия иностранных спецслужб. Неужели польские, румынские или финские жандармы могли не заметить курьеров, пересекающих границу? Неужели трудно было обнаружить базы, через которые поддерживалась связь? Конечно же, за подобное сотрудничество требовалось расплачиваться добытыми разведданными или иными способами. С территории Польши и Румынии действовали и украинские сепаратисты Тютюнника, Коновальца. А покровительницей Польши и Румынии выступала Франция. Стоило ей нажать на правительства этих стран, и антисоветскую деятельность пресекли бы. Но нет, Франция не нажимала.

А Англия не оставляла без внимания Среднюю Азию, «подкармливая» деньгами и оружием басмачей. Британцы взяли под покровительство и армянских дашнаков, азербайджанских мусаватистов. Даже Польша приняла вдруг горячее «участие» в судьбах кавказских националистов – хотя казалось бы, какое ей дело до Кавказа? Тем не менее она финансировала грузинских меньшевиков, дашнаков, мусаватистов, северокавказский «горский комитет». Создала «прометеизм» – движение разноплеменных сепаратистов, получившее название по журналу «Прометей». Он выходил в Польше, на польские деньги, а сотрудничали в нем украинцы, азербайджанцы, татары. Впрочем, о «польских деньгах» здесь можно говорить условно. Понятное дело, что Варшава выступала лишь прикрытием для операций более могущественных держав.

И вторгались через границу отряды савинковцев, тютюнниковцев, кавказцев, басмачей. Засылалась в СССР литература, агентура, создавались подпольные структуры. Но результаты были сомнительными. Антисоветским отрядам приходилось избегать столкновений с крупными силами красных. Рейдировали по деревням – там убьют несколько милиционеров, там разгромят сельсовет. Массовой поддержки они не получали. Народ устал от бесконечной войны, желал жить спокойно. «Гостям» из-за рубежа требовалось самим снабжать себя, что выливалось в грабежи...

А подпольные антисоветские организации оказались недолговечными. Бывшие офицеры, чиновники, интеллигенты были неопытными и отвратительными конспираторами. Были и авантюристы, случайные элементы, они изменяли или перевербовывались при аресте. В 1921–1925 гг. чекистами были раскрыты многочисленные отделения НСЗРиС в России, Белоруссии, на Украине, подполье анархистов, эсеров, «Центра действия», «Всеукраинского повстанческого комитета» Тютюнника и Петлюры. Кого-то расстреляли, кого-то отправляли в тюрьмы и лагеря.

Но какое дело было до этого зарубежным кругам, подпитывавшим антисоветскую борьбу? Ведь кровь лилась русская. Поддерживался раскол народа, провоцировался террор, нагнеталось озлобление. Точно так же, как на Российскую империю нацеливалась с Запада «советчина», так на Советскую Россию пошла «антисоветчина». Опять с Запада! Иницировалась она теми же самыми силами «мировой закулисы», которые прежде делали ставку на «советчину». Идеологический знак сменился на противоположный, но главная цель осталась прежней. Расшатывание и ослабление России.

Однако и советские спецслужбы работали эффективно. Разношерстный состав эмиграции, политический разброд, ностальгия по родине, нищета предоставляли отличные возможности вербовать агентов в ее среде. Кого покупали, кого переубеждали в правоте большевиков, манили перспективой «загладить вину» и вернуться на родину. А многие беженцы были

откровенно возмущены тем, как западные державы предали союзную Россию, как высокомерно и пренебрежительно отнеслись к русским – и их тоже склоняли к сотрудничеству. Антисоветские организации оказались напигованы советскими агентами. В числе завербованных были многие видные фигуры: председатель Торгпрома Третьяков, один из руководителей БРП Кольберг, в РОВС – генерал Скоблин.

Некоторых участников подполья и посланцев из-за рубежа после ареста перевербовывали, пообещав жизнь и свободу. С их помощью создавались фиктивные антисоветские организации. На одну из них, «Верховна вийськова рада», чекисты в 1923 г. заманили в Советский Союз и взяли генерала Тютюнника. Из него сделали рекламную фигуру, чтобы разлагать украинских националистов.

В рамках операции «Синдикат-2» была придумана подпольная организация «Либерально-демократическая группа», на которую клюнул Савинков. В 1924 г. он перешел границу и был арестован. На суде он признал советскую власть, написал письма к соратникам, за это ему заменили расстрел 10-летним заключением. После чего он, по официальной версии, покончил с собой, по неофициальной, его сбросили в лестничный пролет на Лубянке. Кому понадобилась его смерть? Нет, не советскому руководству. Савинков обладал важной информацией о тайных делах Временного правительства, был связан с теневыми кругами европейской политики. Очевидно, из-за этого его и прикончили.

Уничтожение Савинкова не только ознаменовало конец созданных им антисоветских структур. Оно стало болезненным ударом для Сиднея Рейли. НСЗРиС был его личным «козырем», благодаря которому он вознесся до уровня политической фигуры, получал доступ в правительственные круги европейских держав. Мало того, на финансировании савинковцев и перепродаже добытой через них разведывательной информации Рейли неплохо грел руки. А тут, получалось, чекисты так ловко обставили «супершпиона». Правда, у него имелся запасной вариант для подобных игр. Наряду с НСЗРиС он установил тесные связи в РОВС, с генералом Кутеповым, возглавлявшим у Врангеля разведку и контрразведку. С Савинковым РОВС враждовал, но для Рейли оказалось вполне возможным «дружить» с обоими. Почему бы и нет, если он обеспечивал тем и другим содействие западных спецслужб?

Но ОГПУ одновременно с «Синдикатом-2» вело еще одну операцию, «Трест», для нее тоже было придумано фиктивное подполье, «Монархическое объединение Центральной России». Чекисты, изображая подпольщиков-монархистов, завоевали доверие РОВС и других эмигрантских организаций, встречались за границей с их руководителями, получали сведения об их деятельности. А осенью 1925 г. сумели заманить в СССР самого Сиднея Рейли. В 1960-х эта история была частично рассекречена, послужила основой для романа Л. Никулина «Мертвая зыбь» и сериала «Операция “Трест”», но некоторые детали остались неизвестными широкой публике.

В частности, толчком, побудившим Рейли сунуться в ловушку, стало переданное ему письмо... Троцкого! И даже не первое. В первом Лев Давидович предлагал союз Савинкову. А через некоего Дерибаса Рейли передали еще одно. В нем Троцкий просил помощи, чтобы отобрать власть у Сталина. Гражданам тех стран, чьи правительства поспособствуют этому, обещались концессии на самых льготных условиях. Выражалась также готовность объявить широкую амнистию для эмигрантов. Биограф Рейли, американский профессор Ричард Спенс, выразил сомнение, действительно ли Троцкий был автором этих писем – хотя бы из соображений элементарной осторожности. Ведь подобные послания, будучи перехваченными, могли слишком круто скомпрометировать его.

Но факт тот, что «супершпион» Рейли почему-то поверил! Настолько поверил, что, забыв даже об участии Савинкова, ринулся восстанавливать контакты со старым знакомым Троцким. Такая доверчивость объяснялась тем, что в деле были замешаны и другие его знакомые. Подставил Рейли и фактически сдал чекистам не кто иной, как... дядя Троцкого, Животовский.

В годы Мировой войны – его работодатель, Рейли представлял его синдикат в США. Что ж, причины такого шага вполне понятны. Рейли слишком много знал о тайнах российской революции, в том числе об участии в этих операциях самого Животовского. Полезнее было от него избавиться. Обращает внимание тот факт, что Рейли очень уж поспешно уничтожили. 25 сентября арестовали, а 5 ноября расстреляли. Без суда, воспользовавшись заочным приговором, вынесенным ему еще в 1918 г. Кто обеспечил это? Его дело курировал заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода.

Глава 4. Если завтра война?

В 1920-е годы Сталин о своих противниках знал далеко не все. Для него не были секретом связи лидеров оппозиции с западными кругами. Но их представляли полезными, не пресекали. Троцкого лишили военного ведомства, но назначили председателем Главного концессионного комитета СССР. Каменева отстранили от руководства Советом труда и обороны – и поставили наркомом внешней и внутренней торговли. Когда взяли курс на индустриализацию, в Москве появился Александр Гомберг – в период пребывания Троцкого в США был у него «литературным агентом». Потом в России был подручным у американского разведчика полковника Робинса.

Сейчас он приехал уже миллионером, представителем американского «Чейз Нэншл банка», вел переговоры со Львом Давидовичем и Каменевым о поставке оборудования для Днепрогэса. Примерно в это же время ОГПУ арестовало одного из доверенных людей Троцкого, Лейбу Фишелева. Но с ходатайствами за него выступили Бухарин и брат Александра Гомберга, Сергей – он носил фамилию Зорин, был кандидатом в члены ЦК, помощником и референтом Зиновьева. (А третий брат, Вениамин Гомберг, возглавлял Русско-германскую торговую компанию и Всесоюзный химический синдикат.)

Но в 1927 г. стала вдруг резко меняться внешнеполитическая обстановка. До сих пор европейские правительства смотрели сквозь пальцы на деятельность Коминтерна, на финансирование зарубежных компартий. Однако в феврале 1927 г. полиция Франции нанесла удар по советским представительствам в Париже и других городах. По обвинениям в шпионаже и подрывной агитации было арестовано более 100 человек. Одновременно МИД Англии предъявил СССР ноту с требованием прекратить коммунистическую пропаганду в британских владениях, угрожая разрывом дипломатических отношений.

Английская полиция произвела обыск в советско-британской фирме «Аркос», через которую шел основной объем торговли между двумя странами (и которая служила в Лондоне «крышей» для ОГПУ, Разведупра Красной армии и Коминтерна). Серьезных улик не нашли, но Англия все равно разорвала отношения с Москвой. Британскую и французскую инициативу подхватил диктатор Северного Китая Чжан Цзолинь, устроил налеты на советское полпредство и консульства, захватил советский пароход, курсировавший по Сунгари.

Это совершенно противоречило видимой логике! В 1923–1925 годах Коминтерн и советские спецслужбы вытворяли за границей откровенные безобразия – насаждали терроризм, организовали несколько восстаний, и этого будто «не замечали». А к 1927 г. Сталин подобные дела прекратил, курс на «мировую революцию» свернул – и теперь-то западные правительства ополчились на СССР! Но на самом деле действовала другая логика. Достаточно сопоставить – политика Запада кардинально изменилась сразу после XV партконференции. Когда была разгромлена оппозиция, принята программа индустриализации, и наша страна стала избавляться от иностранных концессионеров. Проекты «мирного» подчинения российской экономики и рынка потерпели фиаско. Обозначилась угроза, что рухнувшая Россия снова усилится.

Вот теперь-то оказались востребованы эмигрантские структуры. «Лига борьбы с Третьим интернационалом» Гучкова и Обера вываливала в пропагандистских кампаниях материалы о происках Коминтерна. Зарубежные спецслужбы взялись помогать РОВС, БРП и другим белогвардейским организациям. Гучков, Струве и ряд других деятелей вступили в переговоры с Кутеповым. Указывали, что для антисоветской борьбы надо искать «новые пути» и пришла пора «конструировать террористическую организацию». А Кутепов был разозлен тем, как чекисты водили его за нос с «Трестом», поэтому и сам горел желанием перейти к «настоящей» войне. Сейчас для этого нашлись деньги, поляки и финны выражали готовность помочь с переходами границы...

В мае 1927 г. группа террористов РОВС неудачно попыталась подложить бомбу в общежитие ОГПУ в Москве. В июне последовали сразу три теракта. В Белоруссии был убит высокопоставленный чекист Опанский. В Ленинграде группа Ларионова устроила взрыв на собрании в партклубе – 1 человек погиб, около 30 ранило. А в Варшаве 17-летний Борис Коверда застрелил полпреда Войкова, одного из главных участников царевубийства. Кстати, на дипломатической работе он проявил себя не лучшим образом. Кутил, волочился за женщинами, брал взятки, развалил торговлю с Польшей и был уличен в пропаже крупных сумм. В наркомате иностранных дел говорили: «если бы не Коверда, быть бы Войкову в советской тюрьме, а не в кремлевской стене».

Вскоре в Варшаве предотвратили еще один теракт, в советском полпредстве нашли взрывное устройство в дымоходе. А в июне 1928 г. члены РОВС Мономахов и Радкевич бросили бомбу в бюро пропусков на Лубянке... Конечно, такие булавочные уколы не могли нанести мало-мальски ощутимого ущерба советской власти. Пробравшись в СССР, белогвардейцы были просто не в состоянии совершить что-либо серьезное. А многие вообще ничего не успевали сделать, их срезали пули пограничников или арестовывали. Погибали ни за грош... Но ведь кому-то это было нужно. Нагнетать атмосферу в СССР, провоцировать страх, подозрительность, репрессии.

Кстати, враждебные выпады были не только частью политических игр, но приносили Западу и чисто коммерческую выгоду. Франция, как и Англия, раздувала антисоветскую кампанию, посылала грозные ноты, и казалось, что она готова отозвать посла из Москвы. Но Советский Союз согласился продавать ей нефть по таким низким ценам, что французское правительство «смилось» и 17 сентября 1927 г. приняло решение: «В настоящее время ничто не оправдывает разрыва дипломатических отношений с СССР». По аналогичным причинам британскую инициативу отказались поддержать Германия, Италия, скандинавские и прибалтийские страны. Но для нашей страны низкие цены оборачивались нехваткой валюты, необходимой для индустриализации.

В самой России после британских и французских демаршей, волны терактов распространились слухи – будет война. Крестьяне прибирали в запас и не продавали государству хлеб – а он тоже обеспечивал валютные поступления. В магазинах исчезали продукты, росли цены. А Троцкий вдруг засобирался съездить в Берлин, якобы для лечения. С кем он там встречался, остается неизвестным. Но после его возвращения, летом 1927 г., «левые» развернули новые атаки на власть. Они тоже шумели, что скоро будет война. Обвиняли в этом Сталина – вот к чему привел его отказ от «мировой революции» и курс на строительство социализма в одной стране. Опирались на Маркса, который учил: победы социализма в одной стране империалистическое окружение ни за что не допустит. Сейчас доказательства были налицо, а Сталин отошел от марксизма!

В 1927 году провалилась и советская политика в Китае. Впрочем, благодаря троцкистам. В китайской революции и гражданской войне Иосиф Виссарионович взялся поддерживать партию гоминьдан и ее лидера Чан Кайши. Ему слали оружие, военных советников. Но туда направили дипломатов из окружения Троцкого – Иоффе, Ломинадзе, Бородин (Грузенберга). Вопреки указаниям Сталина, они организовали с местными коммунистами заговор против Чан Кайши. Его раскрыли, китайский вождь революции возмутился, разорвал связи с Москвой, обрушился на коммунистов. Но и это оппозиция ставила в вину Сталину. Дескать, Троцкий и Зиновьев предупреждали: доверять Чан Кайши нельзя. Иосиф Виссарионович не послушался – и вот результат.

Оппозиция предрекала: в надвигающейся войне СССР неминуемо будет разгромлен. А Троцкий дошел до того, что саму необходимость обороны государства поставил в зависимость – кто будет у власти? 11 июля 1927 года он написал Орджоникидзе, что партия «переродилась», наступил «термидор» (во французской революции – переворот, когда буржуазная

Директория свергла якобинцев). Поэтому защищать правительство Сталина нельзя. Нужно сменить его, и лишь после этого война станет оправданной. Лев Давидович провел аналогию с Францией, когда при наступлении немцев на Париж власть была отдана Клемансо. Сталин зачитал это письмо на пленуме ЦК, комментировал: «Мелкобуржуазная дряблость и нерешительность – это, оказывается, большинство нашей партии, большинство нашего ЦК, большинство правительства. Клемансо – это Троцкий с его группой. Если враг подойдет к стенам Кремля километров на восемьдесят, то этот новоявленный Клемансо, этот опереточный Клемансо постарается, оказывается, свергнуть нынешнее большинство... а потом взяться за оборону».

Пропаганда подобных взглядов была слишком опасна. Ведь сами же большевики аналогичными методами разлагали армию при царе и Временном правительстве. И теперь-то за оппозицию взялись серьезно. Мелких активистов начали арестовывать. Еще не за взгляды, а за конкретные преступления по советским законам. Например, нелегальное размножение и распространение литературы. ОГПУ накрыло ряд таких центров, где использовались гектографы, стеклогграфы, ротаторы. Троцкистов Щербакова, Третьякова и Мрачковского поймали на контактах с «врангелевским офицером». С ним вели переговоры о покупке типографского оборудования, обсуждали возможности военного переворота – а «офицер» оказался агентом ОГПУ. Оппозиция напрочь отреклась от этих фактов, утверждала, будто ей нарочно приклеивают «политическую уголовщину». Хотя Щербаков, Третьяков, Мрачковский, конечно же, не знали, что общаются с провокатором, а в ОГПУ они сознались, что такие разговоры действительно были.

Аресты вздыбили оппозицию и подхлестнули к протестам. В троцкистских листовках писалось: «В советских тюрьмах уже сидят коммунисты». (Пока сидели не-коммунисты, это было нормально, в порядке вещей, а вот коммунисты – воспринималось как нечто чудовищное.) Троцкий и Зиновьев выступали на митинге в Ленинграде, и их «подсадные утки» в толпе рабочих выкрикивали: «Да здравствуют истинные вожди революции». Каменев собрал 2 тыс. человек в Высшем техническом училище в Москве.

Но реальное влияние оппозиции оказалось ничтожным. Большинству коммунистов они со своими дразгами просто надоели. По воспоминаниям секретаря Троцкого В. Кибальчича, в последних батаях число их сторонников в столицах оценивалось в 400–600 человек. Какая уж тут сила? Наивернейший помощник Троцкого, Иоффе, смог выразить преданность кумиру только тем, что покончил с собой. А выступления оппозиции подвели ее под очередной удар. В октябре 1927 г., на пленуме ЦК партии, ее снова осудили. Троцкого и Зиновьева выгнали из ЦК.

Но они только озлобились, и 7 ноября, в 10-ю годовщину революции, наметили устроить альтернативные демонстрации. Свои лозунги и портреты «вождей» они вывесили на стенах домов, где жили сами «вожди». Так, на углу Воздвиженки и Моховой красовались портреты Троцкого и Зиновьева. Как вспоминал троцкист И. Павлов, с крыши сталинисты пытались сорвать их баграми. «Активную оборону своих портретов вели оригиналы. Вооружившись половой щеткой с длинным черенком, Троцкий энергично отбивал атаки». Да, это выглядело символично. Еще недавно всемогущий Троцкий махал шваброй, защищая не что-нибудь значимое, а собственный портрет...

Кое-где произошли эксцессы. Преображенский с группой троцкистов на Манежной площади начали произносить речи перед шедшими мимо колоннами демонстрантов. Возмущенная толпа партийцев отмутила их и сдала в милицию. Но в другом месте милиция задержала троих смутьянов, повела в участок, а их товарищи по дороге отбили арестованных, угрожая револьверами. В Харькове случилось столкновение со стрельбой. Но уж на такие выходки власть отреагировала быстро. 90 видных оппозиционеров исключили из партии, сняли со всех постов.

В декабре, на XV съезде ВКП(б) Каменев, Раковский, Радек, и другие «левые» униженно каялись, но им уже не верили. Троцкий каяться не стал. Когда его исключали из партии, Лев Давидович заявил – если победят они, то не удовлетворятся взятием власти, а расстреляют «эту тупую банду безмозглых бюрократов, предавших революцию. Вы тоже хотели бы расстрелять нас, но не смее. А мы посмеем, так как это будет совершенно необходимым условием победы». Но ни его, ни его сторонников никто еще не расстреливал. Сослали кого куда. Не на Соловки, не в тюрьмы, а в разные провинциальные города. Троцкого отправили в Алма-Ату. Он протестовал, отказывался ехать. Милиционерам пришлось выносить его из дома на руках.

Глава 5. Замаскированные резервы

Во второй половине 1920-х состав советского руководства значительно изменился. На роль «вождя номер два» выдвинулся Николай Иванович Бухарин. Член Политбюро, главный идеолог партии, редактор «Правды». После поражения зиновьевцев и троцкистов в его ведение перешел Коминтерн. Лица из его «команды» заняли ключевые посты в ВСНХ, Госплане, Московской парторганизации. В демократической литературе Бухарина представляют грамотнейшим теоретиком, защитником интересов русского крестьянства, поборником нэпа. Эдаким идеалистом, намечавшим строить «цивилизованный» социализм без жертв и катастроф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.